

ДИАЛОГ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В обсуждении темы участвуют проректор по научной работе Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, профессор В.А.Луков, ведущий научный сотрудник Института философии, доктор философских наук, профессор В.М.Розин.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С.Гуревич.

П.Гуревич. Американский фантаст Роберт Шекли в повести «Билет на планету Транай» рассказывает о нравах этой звезды. Едва герой повести, землянин, появился на Транае, как ему предложили стать Верховным президентом.

—Вы хотите сказать, — изумленно спрашивает землянин, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

—Что значит «ни за что ни про что», — обиделся собеседник. — Такое предложение — большая честь.

Землянин решил принять пост от бывшего президента Борга и получить от него официальный медальон. Оказалось, что для вручения полномочий не нужно никаких формальностей. Борг просто готов передать землянину этот символ власти, но в этот момент медальон взрывается, а Борг падает с оторванной головой. Тут-то и выяснилось, что жители Траная обладают правом выражать свое недовольство, посылая соответствующие сигналы, и если его скопилось выше нормы, медальон разрывает сановника на части. Комментируя эту традицию, транаец ответственно заявляет: «Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа».

Пародию на западную модель демократии Шекли писал несколько десятилетий назад в жанре антиутопии. Писатель предвидел, во что может превратиться идея безоговорочной эффективности демократии. Вот и сегодня в относительно спокойной Европе (Франция, Латвия) толпы нередко требуют отставки властей, круша магазины и ломая автомобили. Между тем концепция демократии, как она понималась классиками социологии, предполагала постоянный диалог власти и народа, исключая такие эксцессы. Социальные философы, казалось, продумали все детали и возможные метаморфозы этого процесса.

Готовясь к нашей встрече, я просмотрел работы многих социальных мыслителей, посвященные данной теме. Результат показался мне неожиданным. Возникло впечатление, что нынешняя ситуация, которая сложилась в нашей стране, весьма уникальна. Ни Вебер, ни Манхейм не могли бы с ходу понять, как преобразились многие социальные институты, каким призрачным стал сам диалог власти и государства.

Рождается вопрос, требующий обсуждения: действительно ли классические тексты мыслителей неприменимы к нашей реальности?

Уже Фома Аквинский отмечал, что государство по отношению к своему народу по форме своего правления может быть несправедливым, и тогда у людей есть право восстать против деспотии власти. Это право дается, если

власть выступает против законов Бога и элементарных нравственных принципов, превышает собственную компетенцию, прибегает к незаконным поборам. Но это, по существу, лишь истоки социально-философской рефлексии. Еще не вполне ясна формула: «что значит восстать?» Идет ли речь о бунте или о мирном побуждении власти к порядку?

Монтескье различает три формы правления: республику, монархию, деспотию. При монархическом правлении, разъясняет он, власть осуществляет один человек, но посредством установленных неизменных законов. При деспотическом правлении все движется вне всяких законов и правил волею одного лица. При республиканском правлении власть находится в руках народа. Все это не ложится в строку, когда речь идет о нашей стране. У нас нет монархии, чудовищных поборов, демонстративного отступления от Божьих заветов. Однако десятки тысяч инженеров, ученых, врачей безмолвно уезжают из России. Это отступление или восстание против произвола власти?

Вебер толкует об эффективном управлении с помощью менеджеров, но наша страна изнывает от всеобщего дилетантства. Политические философы рассуждают о гражданском обществе как гаранте социального равновесия. Но у нас нет гражданского общества.

Парадокс, на мой взгляд, в том, что в нашей стране диалог власти и народа перестал быть эффективным, а во многом сошел на нет. Но зато он приобретает фантастические виртуальные формы. Призрачные формы этого диалога разрастаются, становятся все более изошренными, замысловатыми. И в то же время обычному гражданину некуда обратиться, чтобы решить пустяковый вопрос, связанный с его правами и интересами.

Именно поэтому хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Как вы представляете диалог государства и общества в качестве философской проблемы?

2. Существуют ли моральные основы такого диалога? Как они рождаются? Почему могут разрушаться?

3. Как выглядит этот диалог в современной России?

4. Как можно восстановить этот диалог, который, судя по всему, разладился?

5. Какой смысл в шутке: «Гласности у нас много, слышимости мало»?

6. Каковы последствия такого разлада для современной России?

7. «Надо ли молчать в тряпочку?» — заголовок из газеты «Аргументы и факты».

Диалог общества и государства как философская проблема

В.Розин. Такая постановка проблемы законна, потому что основы политической и государственной власти разработали философы. Это, разумеется, чисто философская проблема. Разумеется, эти идеи были сформулированы в свое время. Но я не согласен с Павлом Семеновичем в том, что многие мысли, рожденные в борьбе с монархизмом, утратили свою актуальность. Сама идея нередко сохраняет свою ценность, даже если на

историческом подворье иной политической режим. Нам важно проследить, когда и почему рождались те или иные социальные концепции. Отвержение абсолютной власти позволило утвердить приоритет закона. Важная предпосылка — общество боролось против абсолютных монархий, что привело к становлению государства нового времени.

В.Луков. Согласен. Прежде чем говорить о правах народа, надо взглянуть на проблему с позиции государства. Иначе наше обсуждение окажется односторонним. Критикуя власть, общество способно впасть в эгоистическое заблуждение. В известном смысле это больше проблема философская, чем правовая или политическая. В политике реализуются различные интересы. Только социальный философ способен подняться над этой конъюнктурой интересов и задуматься над общественным устройством в целом. По сути, государство лишь инструмент поддержания социального порядка, развитая и комплексная форма регуляции общественных отношений на основе права. Государство порождено общественной потребностью в безопасности и предсказуемости последствий тех действий, которые затрагивают интересы больше чем одного человека или даже многочисленного класса.

П.Гуревич. Начнем с апологии государства?

В.Луков. Совсем не обязательно. Как это часто бывает в человеческом обществе, часть становится больше целого, важнее целого, подчиняет себе целое. И тогда уже появляется мысль о диалоге целого и его части по инициативе обделенного и эксплуатируемого, обреченного на сужение роли своей доли. Такова персонификация государства вплоть до фактического осуществления формулы Людовика XIV «Государство — это я». Здесь государство утрачивает свою частичность и претендует на всевластие, на целостность.

П.Гуревич. Вы хотите, судя по всему, подчеркнуть, что не следует рассматривать государство и народ как антиподов. Они лишь участники определенного единства.

В.Луков. Ну, разумеется. В социально-философском аспекте само такое движение к упорядочению целого путем передачи власти какой-то его части (органу, лицу и т. д.) чрезвычайно интересно. Оно, кстати, позволяет осмыслить макиавеллизм как столбовую дорогу в решении проблемы сплоченности народа и национальной безопасности. Разве не по этому пути идут сегодня те, кто сделал ставку на демократию как принцип поддержания социальной сплоченности?

П.Гуревич. Так вот на этом пути, как известно, Монтескье с огорчением констатировал, что Аристотель не знал истинной природы монархии. Диктат государственной деспотии — это опыт минувшего столетия.

В.Розин. Связь этих проблем очевидна. В современной России речь тоже идет об укреплении государства. Но это вовсе не предполагает пренебрежения к народу. Здесь обнаруживает себя диалектика истории. Уже Шарль Монтескье в «Персидских письмах» уподобляет французскую абсолютную монархию азиатскому деспотизму. Критика европейских

монархий была в XVII веке почти общим местом. Европейское общество и стоящая за ним новоевропейская личность в целом по логике повторили античный ход мысли, состоящий сначала в проектировании государства, работающего на общество и человека, а затем и реализации такого проекта. Но, конечно, содержание проекта было другим. В соответствии с новым мироощущением монархической власти и ее аппарата управления, который становился все более профессиональным, была противопоставлена не менее внушительная сила — народ и человек, отстаивающие себя на основе естественных природных законов и к тому же действующие в своем праве. В этом суть общественного договора.

В.Луков. Но теоретический диспут о диалоге государства и общества на практике выливается в отношения властителей и подчиненных, где для равенства позиций места нет. В этих парадоксах, видимо, и заключается философия диалога государства и общества: он возможен и невозможен одновременно, он сдвигается от полюса полного «да» к полюсу полного «нет» в зависимости от того, у кого в данный момент больший потенциал силового ответа на претензии другой стороны.

П.Гуревич. Речь должна идти не о равенстве, а о желаемом балансе, равновесии. Иначе так называемое «нет», в конечном счете, чревато катастрофой.

В.Розин. Из этого противостояния и рождается модель диалога государства и общества. Разрабатывая концепции естественного права и разделения властей, Монтескье, Гоббс, Локк и одобряющие их взгляды правоведы проектировали новый тип государства, призванного стоять на страже не только порядка, но и общества и человека.

П.Гуревич. Можно отметить, что в социальной философии государство не рассматривается как некий неизменный абсолют. Оно конструируется, меняет свой облик, отвечает на вызовы общества. Как сам диалог, так и его отсутствие рождают типологически разные социальные ситуации. В «смутные времена» торжествует плебс, в деспотические — тоталитарное государство. Однако порой это совпадает. Общество может существовать и при таких условиях, когда массы погружаются в частную жизнь, а государство обслуживает собственные интересы. Наконец, возможны и предгрозовые ситуации, когда народ еще не готов к выступлениям, а верхи не могут реализовать эффективное управление.

В.Розин. В том-то и дело. Я назвал мыслителей, которые настаивали на том, что государственная власть подпадает под закон. Томас Гоббс в «Левиафане» отмечает, что суверен «подчинен действию закона так же, как последний из его подданных». Народ, еще более решительно говорит Локк, остается безусловным сувереном. Он имеет право поддерживать и даже ниспровергать безответственное правительство. Итак, все люди равны и свободны. Государство через систему судопроизводства должно гарантировать права человека на жизнь, свободу слова и веры, на собственность. Разделение властей обеспечивает необходимую систему «сдержек и противовесов». Зачем? Чтобы предотвратить такое развитие государственной власти, когда она

начинает работать только на себя, а не на общество и человека. Обращение к праву здесь было вполне естественным, ведь именно в праве общество могло провести свой новый идеал справедливости и утвердить необходимость власти, которая имеет санкцию на управление.

П.Гуревич. Вопрос ставится таким образом: сохраняют ли ценность эти универсальные достояния европейской культуры или современная жизнь показывает, что данные механизмы в новых условиях недостаточны? Чего следует добиваться: фактической реализации демократических ценностей или выдвижения новых договоренностей между государством и народом, властью и обществом? К примеру, на нашем предыдущем «круглом столе» (см. «Вестник аналитики». № 2, 2009) речь шла о том, что право, не поддержанное моральными устоями общества, нередко приобретает деструктивную роль. Мораль, право и интересы должны быть приведены к определенному балансу. Скажем, общество и власть готовы сегодня подвергать жесточайшим наказаниям педофилов, но не вчиняет себе в обязанность проводить раннюю диагностику психических отклонений, вести клиническую работу, продвигать в массы психологическую культуру, воспитывать людей в духе христианского милосердия.

В.Розин. Мы нередко критикуем демократию вместо того, чтобы добиваться развертывания ее потенциала. Фиксируем легитимную правовую несостоятельность вместо того, чтобы утверждать неукоснительность права. Дело в том, что практическая реализация в XVIII–XIX вв. либерально-демократических концепций привела не только к построению правового государства. Отметим его отличительные признаки — верховенство закона, реальность прав и свобод индивида, организация и функционирование суверенной судебной власти на основе принципа разделения властей, правовая форма взаимоотношений личности и общества. Но главное их достижение — формирование политико-правового пространства и гражданского общества. И вот почему. Постепенно выяснилось, что общество может реализовать свои планы, лишь создав институции (силы), соразмерные государству с его аппаратом. Такими институциями выступили политическая система и гражданское общество. Они как раз и сложились в этот период активной политической мысли.

В.Луков. Относительно гражданского общества все понятно. Но прежде, вероятно, стоит определить, что собой представляет властный режим в России, каковы его содержательные характеристики. Эксперты называют его «авторитарным», «полуавторитарным», «бюрократическим», «гибридным», «переходным». Встречаются даже такие неожиданные обозначения, как «рейтингократия». Если говорить о формальной стороне, то в правовом обществе каждый человек может принять участие в политике. Но, прежде всего, должен выстроиться политический процесс...

В.Розин. В развитом государстве именно гражданское общество должно вести диалог с государством, постоянно корректируя его деятельность, а когда нужно, и меняя его состав.

П.Гуревич. Но можно ли утверждать, что гражданское общество в России уже сложилось? Эксперты относят к среднему классу чиновников. Но разве чиновники выступают от имени общества, выражают интересы простых представителей социума? Можно ли говорить о том, что усилившийся в стране клан государственных управленцев помогает осуществлять диалог власти и народа?

В.Розин. Мы говорим о том, что в России не сформировано гражданское общество. Но часто не осознаем, что отсутствие гражданского общества не означает, что в России нет общества как такового.

В.Луков. Это полемика, но с кем?

В.Розин. Мне хочется подойти к вопросу сугубо культурологически. Можно сколько угодно спорить, есть у нас гражданское общество или нет, но надо иметь в виду, что общество существует во всяком развитом социальном организме. Оно появляется еще в древнем мире, но гражданское общество — продукт нового времени. Понять, что такое общество, можно, рассматривая социальный статус и бытие человека в культуре. В одном отношении в рамках социальных институтов человек выступает как социальный актер, выполняя определенные роли. Но в рамках общества человек выступает в другой ипостаси: он является условием развития культуры, выступает как носитель всей социальности. Когда в «Политике» Аристотель пишет, что человек по своей природе есть существо общественное и политическое, он, по сути, говорит о том же.

В.Луков. Вы хотите поразмышлять, с чего начинается гражданское общество — с индивида, с общественных организаций, с государственной инициативы?

В.Розин. Приведу историческую иллюстрацию. Образованию в XV веке империи ацтеков предшествовала следующая история. В начале XV века мексика жили в небольшом государстве. После избрания королем Итцкоатла, около 1424 года, мексика оказались перед трагическим выбором: или признать власть Максила, тирана соседнего государства, или начать против него войну. Перед угрозой уничтожения король и мексиканские господа решили полностью подчиниться тирану, говоря, что лучше отдаться всем в руки Максила, чтобы он сделал с ними все, что пожелает, а быть может, Максил их простит и сохранит им жизнь. Именно тогда слово взял принц Тлакаэлель и сказал: «Что же это такое, мексиканцы? Что вы делаете? Вы потеряли рассудок! Неужели мы так трусливы, что должны отдаться жителям Ацкапутцалко? Король, обратитесь к народу, найдите способ для нашей защиты и чести, не отдадим себя так позорно нашим врагам». Воодушевив короля и народ, принц Тлакаэлель получил в свою власть управление армией, укрепил и организовал ее, повел на врага и разбил тирана.

В.Луков. Очень похоже на историческую инициативу Владимира Владимировича — поднять Россию с колен. Путин недавно публично осудил пассивность русских князей Бориса и Глеба, которые не воевали, вели себя пассивно, фактически сдались. Он сказал, что мы следовать такому поведению не станем.

В.Розин. Продумаем все же приведенный мною пример. Король и мексиканские господа представляют собой общество: на собрании вопрос о судьбе страны они решали вне рамок государственных институтов, это было именно общественное собрание, где важно было убедить других (короля, жрецов, господ, народ — это все различные общественные образования, субъекты), склонить их к определенному решению и поступку. Но дальше формируется консолидированный субъект — король и принц Тлакаэлель, возглавившие мексиканских господ и армию и организовавшие поход против тирана. При этом важно, что социальное действие осуществляется уже в рамках и с помощью социальных институтов — армии и жрецов.

П.Гуревич. Понятно, что гражданское общество немислимо без гражданской инициативы, без социальной самодеятельности. В этом историческом примере инициатором событий оказывается принц, а не король или жрецы. Однако в нашей стране политические партии возникали не как события, связанные с активностью граждан. Они рождались по проектам кремлевских политтехнологов. В результате сложилась ситуация, которая не была предметом философской рефлексии у социальных мыслителей. Такое насилие над политической жизнью показалось бы Локку или Манхейму кощунством. Политическое пространство заполнено, но массовых гражданских инициатив не оказалось. Парадоксально, но Партия любителей пива была ближе к гражданскому обществу, чем, допустим, «Справедливая Россия». Партия, созданная при поддержке верхов, не просто включается в политическую жизнь как новобранец. Она начинает расширять свое властное поле, подчиняя себе гражданские учреждения. Говорят, что в Москве руководителями университетов стали члены «Единой России». Пока только Российский торгово-экономический университет не вошел в эту обойму. Но ведь ректора выбирает коллектив преподавателей. Значит, демократические процедуры действуют, но политический диктат побеждает.

В.Луков. Такие метаморфозы с демократией никто из социальных мыслителей не предвидел. Власть научилась использовать демократические механизмы столь продуктивно, что постмодернисты пришли к однозначному выводу: «чем больше демократии, тем больше насилия». Парадоксально, но речь уже не о власти толпы, не об охлократии, не о воле плебса, а о лукавом, даже вероломном использовании демократических процедур.

В.Розин. Так вот, можно ли считать такое пренебрежение к гражданским инициативам оправданным, моральным или это силовое нарушение общественного договора?

Существуют ли моральные основы такого диалога?

В.Луков. Мораль в диалоге государства и общества, в конечном счете, исходит из права сильного. Будет ли такая ситуация заведомо аморальной? Видимо, нет.

В.Розин. Странная, но довольно расхожая мысль. Разве не аморально связывать нравственность с силой, с могуществом?

В.Луков. Мне не хотелось бы впадать в отвлеченное морализаторство. Я убежден в том, что более человеческий облик диалога государства и общества

обнаруживается именно тогда, когда укрепляется персонификация власти или противостояния ей. Осуществление власти — не только социальная роль, более или менее закрепленная правом и наличными ресурсами, обеспечивающими ее исполнение. Чем больше произвола в исполнении этой роли, тем большее значение приобретают моральные императивы властителя как системной характеристики общества, принимающего такую власть или повязанного ею. Иначе говоря, мораль на стороне сильного, но и он подлежит нравственному суду. Думаю, именно поэтому мы говорим о личностных качествах, моральных в том числе, сформированных у Александра Македонского под воздействием греческой культуры, рассуждаем о нравственных изъянах Ивана Грозного, как это подчеркнуто в новом фильме Павла Лунгина. Но вот что интересно: моральное воздействие носителей слабой власти на судьбоносные для страны и народа события мы вряд ли обнаружим. То же можно сказать об оппозиции. Думаю, в абстрактном виде вопрос о моральной составляющей диалога государства и общества вообще ставить бессмысленно.

В.Розин. Выходит, пушкинское «народ безмолвствует» не связано с моральной оценкой власти?

В.Луков. Связано, но это окончательный суд народа, а суть нравственности — в государственном строительстве.

П.Гуревич. Хорошо, тогда я приведу еще одну историческую иллюстрацию. Князь Владимир Киевский — основатель Руси в той ее определяющей форме, от которой ведут себя другие государственные образования на Восточноевропейской равнине вплоть до Московского княжества, образец для всей династии Рюриковичей и также для более поздних правителей, святой креститель Руси. Так вот вернемся к тому, что недавно сказал В.В.Путин об этой странице русской истории. Летописи сообщают: в 1015 году Владимир разболелся. Печенеги шли на Русь. Владимир собрал войско и послал с ним своего сына Бориса, князя Ростовского. Когда Борис приблизился к Киеву, он получил две новости. Его отец умер, а на его место сел Святополк, которого вроде бы нужно теперь согнать. Это будет справедливо, этого хотят киевляне, Борис имеет на то все права, он легитимный наследник, любимый сын, исполнитель последнего важного поручения Владимира. Борис, однако, неожиданно заявляет, что не поднимет руки на брата. Этот поступок и оценивает в своей реплике В.В.Путин: такой миролюбец явно не годится на место правителя в крутые времена. Что делать властным и вооруженным людям при князе, который не хочет драться за власть? Борис узнает, что Святополк для надежности хочет все-таки его убить. Свершив злодейство, хозяин власти готов погубить и Глеба. Глеб, как перед этим Борис, тоже убедил дружину не поднимать гражданской войны, оставить его одного. Эти двое, Борис и Глеб, оказались слишком хороши, слишком чутки, слишком сердечны, слишком нравственны, чтобы взять власть. Таким образом, после Владимира власть не

наследовала ему? Так вот вопрос, моральна ли слабая власть? На какой моральной основе мог осуществиться диалог сильной власти Святополка с Борисом и Глебом, которые оказались «слабаками»?

В.Луков. Само то, что такой диалог не только не всегда осуществим, но и не всегда актуален, переводит его нравственный аспект из необходимого в случайный, точнее говоря, событийный. Пример диалога государства и общества в годы советской «перестройки» показывает это: моральное содержание придавали ему в первую очередь позиции ведущих противостоящих фигур и их ближайшего окружения. Отсюда и истоки, отсюда и катастрофы моральности такого диалога. По крайней мере, можно определенно утверждать, что лишь в наиболее острые моменты истории моральная сторона диалога по поводу власти становится важной для огромных масс людей. В другое время диалог государства и общества похож скорее на дипломатические переговоры, где участники отработывают мандат и к морали обращаются, если она укрепляет позицию, предписанную мандатом.

П.Гуревич. Вот наш премьер, судя по всему, и выразил эту мысль. Он сказал, что мы не можем положительно оценить слабость Бориса и Глеба, хотя они и святые. Они добровольно отказались от власти. Спор по этому поводу возник не сегодня. Константинопольская патриархия, когда русский епископат представил ей для канонизации Бориса и Глеба, долго не соглашалась признать их святыми примерно по тем же причинам. Борис и Глеб поступили неправильно. Они должны были, во-первых, переступить через свое отвращение к жестким методам ради страдающих под Святополком киевлян. Во-вторых, они должны были подумать о душе Святополка, своего сводного брата, и не попустить ему взять на себя страшный грех братоубийства. Константинопольские иерархи сомневались, можно ли назвать Бориса и Глеба великомучениками и мучениками за веру, когда они страдали от единоверного Святополка, тоже крещеного христианина.

В.Розин. По сути дела, тот же спор в фильме Павла Лунгина ведет Иван Грозный с митрополитом. Если важнее всего экспансия власти, то зачем оппозиция, зачем совестливое признание допущенных ошибок, к чему жертвенность?

П.Гуревич. Борис и Глеб не хотели жить в мире, где преступление возможно среди братьев. Да, русский мыслитель Федотов отмечал, что в гибели Бориса и Глеба нет героизма, вызова силам зла: они плачущие, по-человечески слабые, совсем беспомощные, они слезно жалуются на свою участь.

В.Розин. Но ведь они великомученики, святые. Это признала церковь. Стало быть, прагматическая мысль о том, что мораль всегда на стороне сильного, сомнительна. Подвиг святых оказал на верующих огромное нравственное влияние.

П.Гуревич. Да, такова ментальность русского народа. Те политики, которые будут считать вопрос о власти, безусловно, первым и важнейшим, сумеют взять и удержать власть сравнительно легко. Другая сторона, вопрос о власти первостепенным не считающая, не будет вооружаться, останется открытой, отдаст власть. Если вам ее очень хочется, берите ее.

В.Розин. Жестокость — не всегда признак силы и нравственности. Пятнадцатилетняя история борьбы Кремля с ваххабитами — наилучшее тому доказательство. Столько лет «мочим террористов в сортире», а они не унимаются. Вероятно, мы плохо понимаем тех, с кем боремся. Надо признать, что на Кавказе действует подполье. Как отмечают эксперты, оно объединяет множество людей — молодых и пожилых, богатых и бедных, образованных и малограмотных. Не успевает власть произнести грозные слова, как подполье отвечает новыми действиями. Вероятно, она не владеет всей информацией. Да и каким образом может сложиться целостная картина зреющей на Кавказе катастрофы, если власть постоянно слушает оптимистические реляции чиновников. Нам мнится: выловим главарей банд, проявим убийственную строгость, и все наладится. Мы даже не хотим понять, что имеем дело с определенной идеей, пусть неприемлемой для нас, но все же подкрепленной ментальностью иного этноса, который противопоставляет неумолимой власти собственную жертвенность.

П.Гуревич. Власть мыслит жестко и неумолимо. Она понимает, что утратит самую себя, если перестанет заниматься экспансией власти, как это твердо знал и братоубийца Святополк. А вот имел ли подвиг Бориса и Глеба нравственный смысл? Оказал ли он положительное влияние на русскую историю? Отечественный философ Владимир Бибахин справедливо писал о том, что подвиг Бориса и Глеба был многократно повторен в последующие годы. Он отмечал: если бы в русской истории и политике не было молча, терпеливо отдающих жизнь, жертвенно и стойчески переживающих жизненные трудности, тысячелетнее государство не стояло бы, не могло бы обращаться к народу так, как оно всегда делает в трудные минуты: «люди русские», «братья и сестры», «россияне», забудьте, откажитесь еще раз от себя, пожертвуйте всем, вплоть до жизни тоже. Отвечая на этот призыв, жертвующие не ждут доводов, резонов. Иначе бы это была не жертва, а расчет. Жертва приносится потому, что человек оказывается готов сказать себе: ну, вот пришел и мой час; теперь моя жизнь зависит совсем не от меня; что же, может быть, настало расставание. Вот откуда святость российской истории и противостояние власти, нахрапистой, оголтелой, успешной, но не укорененной в глубинах народного сознания.

В.Луков. Я согласен с этими суждениями. Прикованный к инвалидной коляске Рузвельт призвал американцев к жертвенности, чтобы выйти из Великой депрессии. И победил. Но чей голос сегодня мог бы оказать такое воздействие на людей, измученных кризисом? Кто мог бы поддержать растерянных, обнищавших, выбитых из привычной колеи граждан? Диалог государства и общества, в основе которого культ силы, аморален.

Как выглядит этот диалог в современной России?

П.Гуревич. Общество, на мой взгляд, лишилось своих полномочий. Оно потеряло возможность контролировать власть. В 1954 г., когда началась моя студенческая практика, на первой полосе «Литературной газеты» был

помещен острый критический материал о работе пяти союзных министерств. Когда я заканчивал практику, «Литгазета» сообщила о том, что все пять министров лишились своих постов. Вот какова была сила газетного слова! Сегодня, когда я читаю в этой же газете острые материалы, думаю: на кого рассчитаны эти публикации? На власть, которая, по определению, прислушивается к голосу общественности? Но верхи вряд ли имеют представление, о чем пишут газеты. С экрана исчезли программы, которые хоть в какой-то мере выражали бы разные мнения, позволяли вызвать общественный резонанс. Теперь выразители социальных мнений похожи на невротиков, которые на перекрестке улиц размахивают руками, но их никто не слышит. Обозреватель «Аргументов и фактов» критикует власть от имени простых людей, снабжая свои статьи частушками, народными речениями, простыми житейскими суждениями. Но это снова камуфляж. На дерзость народной Матрешки ни один серьезный человек не станет обращать внимания. Власть позволяет такой голос из деревенской околицы. В других случаях представители интеллигенции, по сути дела, вразумляют друг друга. Мы убеждаем друг друга в том, что власть не слышит и, судя по всему, не услышит никогда. Возникает иллюзия диалога. Власть бесконечно далека от всех этих экспертиз, она живет в ином ментальном пространстве. Она разрешает общественности толковать на социальные темы, но это ее ни к чему не обязывает. Может быть, поставить вопрос, ради чего мы обо всем этом триндычим? Возьмем, к примеру, казус с ЕГЭ.

В.Луков. Этот сюжет относится к числу вечных, вроде иглы к примусу, о которой написали сатирики.

П.Гуревич. Завершился всесоюзный эксперимент, министр образования и науки встретился с президентом, публично отчитался о своей реформе и получил полное одобрение. Результаты во всех отношениях бездарной реформы были казенно засчитаны за возросшее качество отечественного образования. Вопреки мнению общественности, народу от имени государственной власти было предъявлено еще одно липовое заключение. Но обратите внимание — никакой Парето не разглядел бы подмены. Эксперимент обсуждался, а власть приняла решение. Иначе как помрачением такой диалог не назовешь.

В.Луков. Чиновники сегодня чувствуют себя абсолютно безнаказанными, презирают общественность и откровенно отводят ей роль быдла. События, которые развернулись в ГИТИСе, в Московской медицинской Академии им. Сеченова, в МГУТУ, в Шолоховском университете, отражают приемы современного рейдерства, наглого и беззастенчивого. Речь идет не о качестве образования, а о захвате собственности. Это явное преступление. Но можно ли это оказать? Нет, при существующей системе дойти до правды немислимо. Но есть ли основания считать, что власть совершенно не интересуется мнением других людей, профессоров, ученых? Можно. Вот приказ Министерства здравоохранения и социального развития о прекращении трудового договора с ректором М.А. Пальцевым. Почему успешный руководитель, отдавший вузу 40 лет напряженного труда и превративший его в

самый успешный вуз в стране, отстранен от должности? По международному рейтингу ММА сегодня лидирует с большим отрывом от всех медицинских вузов страны, а их 48. Коллектив обратился к министру здравоохранения и социального развития Т.А.Голиковой с просьбой обсудить ситуацию, но она отреагировала молчанием. Тогда отчаявшиеся люди отправили письмо президенту РФ. Представьте себе, письмо президенту подписали 4,5 тысячи студентов и сотрудников академии! Но администрация президента не сочла возможным ответить единодушному коллективу. Письмо оказалось у г-жи Голиковой. Круг замкнулся. Еще одна попытка. Теперь уже бывшие выпускники Академии (всего 500 подписей) обращаются с письмом к президенту через газету «Московский комсомолец». Они надеются, что ошибка чиновников будет исправлена. Они призывают к верховному лицу. Но речь идет не об ошибке. Речь идет о планомерном преступлении — откровенном рейдерстве.

В.Розин. О состоянии гражданского общества в России не так давно в Интернете размышлял наш известный философ Валерий Подорога. Нынешний объявленный «диалог с властью», говорил он, начинает звучать несколько странными обертонами. А, собственно, зачем власти вступать в диалог с гражданским обществом, к тому же если она полагает, что его как бы нет, что его будто еще надо построить? Почему надо искать диалог с этими слабыми гражданскими союзами, которые не могут оказать ни на что какого-либо существенного влияния?..

В.Луков. Тем более, что эти квазигражданские организации ждут от государства финансовой поддержки. Причем тут гражданские инициативы?

В.Розин. Сама идея «равноправного» диалога говорит лишь о поразительной гипертрофии функций власти в современном российском обществе. Власть в лице ее отдельных функционеров нисходит до гражданского общества, словно демонстрируя его бессилие и неспособность быть равноправным участником диалога. И это надо признать, чтобы не создавать себе ложных иллюзий. А раз дело обстоит именно так, то неплохо понять, чего хочет эта власть, которая вольно или невольно берет на себя и общественно-гражданские функции, стимулируя чуть живое «гражданское общество» финансовыми и другими льготами. Кстати, право их распределения тоже узурпировано властью... Россия родила странного монстра — «почти народную власть с чертами гражданственности». Это, вообще говоря, и понятно. Сегодня в стране не одна монолитная власть, как это было в незапамятные советские времена, а много властей, слабо координированных между собой, к тому же имеющих совершенно разные интересы. Сегодня нет единого культурного сценария, который в свое время интегрировал все население от мала до велика, а много разных идей и соображений, дающих возможность всем жить и действовать по-своему. Сами же власти — президентская, парламентская, крупных ведомств, региональные, предпринимательская, судебная, теневая — еще молодые, и, главное, склонны решать свои проблемы не в сфере права, а вне его. Например, использовать как инструменты давления прессу, суд, «телефонное право», административный

ресурс, прямой или завуалированный подкуп (иногда в виде льгот), наконец, если речь идет о теневой власти, даже заказные убийства. Но и политическая система в России в значительной мере работает в том же пространстве. Многие депутаты легко покупаются и продаются, парламент оказался полностью под контролем президентской власти, лоббирование часто принимает нецивилизованный и неприличный характер.

П.Гуревич. Проблема, на мой взгляд, не исчерпывается тем, что нет единого культурного сценария. Возникает еще одна зловещая тема, которая может привести страну к краху. Перерождение социальных институтов. Классики, «отцы-основатели» социологии, по сути дела, не касались данного сюжета... Вольтер часто высмеивал современную ему элиту, отмечая, что, несмотря на титулы и богатство, она была ужасающе невежественной. Та элита не была способна к руководству. Социальные мыслители не идеализировали элиту, но никто не мог себе представить, что элитой окажется худшая часть общества. Ловкачи и проныры, тупые выдвигенцы, браконьеры и казнокрады... А что представляют собой эти сливки общества сегодня?

В.Луков. Современные технократы тоже вряд ли бы признали в Вольтере своего духовного отца. Да и он точно не назвал бы их своими детьми. Это как у Достоевского. Помните, в XVI в., на следующий день после аутодафе, во время которого Великий Инквизитор сжег на костре сотню еретиков, да еще сделал это с помпой, перед королевским дворцом и толпой людей. В этот день Христос возвращается в Севилью. Кардинал узнает Сына Божьего, но приказывает его арестовать и сжечь, если тот немедленно не покинет город.

В.Розин. Еще один пример чудовищного преобразования социального института: священник, который освящает игорный дом. Светский вуз, отмечающий свой юбилей в храме Христа Спасителя. Девушки с голыми спинами на банкете в трапезной. Сговор тюремщиков с заключенными. Блудитель законности, не признающий никаких стеснений в своих правах...

В.Луков. Суть корпоративности в том, что каждая группа имеет собственную цель, организацию и финансовые интересы. В обществе коррупция была всегда. Но никогда, даже в самые худшие десятилетия XVIII века, она не была легализована и так логически детализирована, чтобы открыто распространиться на всю систему власти.

Когда новый президент заговорил о борьбе с коррупцией, эксперты предостерегали главу государства о том, что он может получить репутацию безнадежного романтика или оказаться в смешном положении. Политик рискует собственной репутацией, если не может добиться своих целей. Однако никто из коррупционеров не испугался. По-прежнему чиновники патронируют бизнес. Гранты раздаются с учетом откатов. Вся страна оценила заполнение чиновниками деклараций как эстрадный номер в духе Петросяна. Оказалось, что наши чиновники женятся по расчету на исключительно богатых женщинах. Выяснилось, что некоторые мученики управления перебиваются с хлеба на кока-колу. Никто, кроме безнадежных наивняков, не верит в заполненные декларации, но вот вопрос: каким образом власть собирает на выборах 60%

голосов? Может ли народ поверить, что власть серьезно озабочена истреблением коррупции?

П.Гуревич. Мы живем в виртуальном мире. Власть давно перестали интересоваться реальными фактами. Разросся гигантский управленческий аппарат. Выросла огромная прослойка всяческих подразделений, которые контролируют, собирают отчетность вместо того, чтобы развивать бизнес, учить студентов, ловить преступников. Каким может быть эскиз общества, где все социальные институты подверглись порче: бизнесмены «наваривают прибыль», политики ищут в предпринимателях деловых партнеров, милиция не ловит преступников, прокурор не защищает законность, учитель не учит, а растлевает, средства массовой информации не просвещают, а оболванивают людей. Генералы рассматривают не карту возможных боевых действий, а схему участка, где будет сооружен дачный особняк. Кто-то должен остановить этот зловещий процесс, вернуть социальным институтам их вековые функции, заняться оздоровлением больного общества.

Как можно восстановить этот диалог, который, судя по всему, разладился?

П.Гуревич. Когда Кант призывает народ отойти от тирана, не оказывать ему никакой поддержки, оставаться равнодушным к его призывам и убеждениям, то применительно к нам это может означать следующее: давайте перестанем называть гражданским обществом виртуальное социальное образование, которое создается в стране.

В.Луков. Мы говорим о просчетах государства. Но картина будет неполной, если не сказать и о вырождении общества, о нездоровых тенденциях в народе.

В.Розин. Нам следует избавиться как от народопоклонничества, так и от демонизации народа. Пока большая часть людей ведет себя пассивно. Но нельзя не обратить внимания и на активность такого рода, которая не свидетельствует о духовном здоровье нации. Немало писем приходило и продолжает приходить в защиту генерала Буданова, который в ходе допроса изнасиловал и задушил беззащитную чеченку. Аргументы таковы: разве можно ставить на одну доску какую-то чеченку и боевого российского полковника, осуждение Буданова — это удар по престижу России и т.п. И понятно, почему общество склоняется к пассивности, попытки населения действовать через право и суд чаще всего заканчиваются неудачей.

В.Луков. Массово-психологические процессы свидетельствуют о том, что рождается безрадостное отношение к жизни вообще, к такому социальному устройству, в котором твоё мнение, твои усилия никому не нужны. Недавно смотрел снова фильм «Премия». Пафос пьесы в том, что люди не хотят быть пешками. Они стремятся верить в то, что от них что-то зависит. И как правильно говорит в этом фильме парторг, как-то незаметно случилось, что мы стали считать ненормальное нормальным...

П.Гуревич. Сложились стойкие предрассудки, будто народ проявляет правовую пассивность и чрезмерное долготерпение. Опросы российских граждан свидетельствуют о том, что 66% опрошенных все же предпринимали какие-то действия, направленные на восстановление своих законных прав. Однако для абсолютного большинства (73%) тех, кто пытался сопротивляться произволу, они оказались чаще всего напрасными.

В.Розин. В то же время нельзя сказать, что право полностью бездействует. Это не так. В стране, на мой взгляд, медленно идет сложный, противоречивый процесс становления права и гражданского общества. Люди учатся использовать закон и право. К тому же наличие законов и установка власти на признание гражданского общества создают, с одной стороны, соответствующие возможности развития социальной жизни, с другой — ограничения, отчасти сдерживающие незаконные поползновения различных социальных субъектов и сил. Правда, нужно сказать, что развитию положительных тенденций сильно препятствует отмеченное выше нигилистическое отношение к праву.

В.Луков. Мне кажется, что следует восстановить хотя бы те социальные институты, которые были при советской власти. Вспомните, существовал Партийный, Народный контроль. Можно было обратиться в первичную партийную организацию, в партбюро по любому вопросу и получить реальную поддержку, если речь шла о произволе, беззаконии, аморальном поведении. Даже Н.С.Хрущев, обладавший огромной властью, вынужден был отступить, когда попытался реконструировать Академию наук. Оздоровление общества — это, прежде всего, восстановление прямых полномочий различных социальных институтов — правоохранительных органов, армии, органов образования, государственных служащих. Без этого никакой диалог государства и общества невозможен.

В.Розин. Общество состоит из «общественных образований», например партий, союзов, групп, отдельных влиятельных личностей. Они обладают способностью вести эффективную политику, искать реальный выход из кризиса, формулировать самостоятельные цели, осуществлять движение по их реализации, осознавать свои действия. Общество образует некую целостность, обладает своеобразным сознанием, создает поле и давление, в рамках которых действуют общественные образования и социальные субъекты.

П.Гуревич. Может быть, есть смысл вернуться к мысли о том, что существуют, видимо, типологически разные формы влияния граждан на государственную жизнь?

В.Розин. Прообраз гражданского общества сформировался, видимо, в античной культуре. Именно здесь сложилась личность, то есть человек, способный к самостоятельному поведению. Возникли отдельные группы, союзы, сообщества, партии, преследующие автономные цели. Имея общий «плацдарм жизни» и социальные ресурсы, общественные образования стали взаимодействовать друг с другом, пытаясь склонить других участников общественного процесса к нужным для себя итогам. В результате этого политического процесса и складываются общественное мнение и решения.

Если говорить об обществе в теоретической плоскости, то можно выделить следующие три его характеристики. Первая: общество имеет два основных режима — активный и пассивный. В пассивном «общество спит» в том смысле, что, поскольку социуму ничего не угрожает, общество бездействует, кажется, что такой реальности нет вообще. Но в ситуации кризиса социума, его «заболевания», общество просыпается, становится активным, начинает определять отношение человека культуры к различным социальным реалиям и процессам.

В.Луков. Нам следует озаботиться не фиктивными, а настоящими формами диалога власти и народа. Пока контакт будет воплощаться в формах декоративных, иллюзорных, социум будут подстерегать мощные силы распада. Рассмотрим некоторые впечатляющие иллюстрации такого мнимого диалога. Топ-менеджер Виталий Архангельский пожаловался в блоге Медведева на банкиров. Этот факт трактуется в газетах как пример прямой демократии. Глава государства еще раз подтвердил, что внимательно просматривает послания в личном блоге. Бизнесмен сообщил, что его замучили кредиторы. Он спрашивает, как среднему бизнесу завершить начатые стратегические для государства проекты и верить, что в России существует защита частной собственности. Вы уже читали, что президент дал поручение правительству РФ: «Целесообразно поддержать продолжение банковского финансирования проектов «Группы Осло Марин».

П.Гуревич. Такому развитию событий могли бы позавидовать даже транайцы.

В.Луков. Но ведь если задуматься, это частный случай. Он не свидетельствует ни о какой социальной тенденции. Такого рода деятельность должен вести не президент, а те инстанции, чьи полномочия строго закреплены. Частное вмешательство сановного лица способно только исказить общую картину общественной, хозяйственной жизни. Вот почему конкуренты тщательно изучают письмо Архангельского. Чем, мол, подкупил предприниматель главу государства? Может быть, тем, что отказался от зарубежного бизнеса и мучается на родине? Или смелым упреком отечественным банкам, которые, по мнению топ-менеджера, растаскивают то, что было нажито непосильным трудом. Завистники заучивают, как им кажется, наиболее удачную фразу из письма: «Очень хочу работать и предлагать свои знания на благо Великой России».

В.Розин. Из этого факта можно, пожалуй, сделать только один вывод. Не следует воспитывать массы, как сказано в известном фильме, на отдельном показательном примере. Важно анализировать тенденции, глубинные закономерности. Можно, разумеется, порадовать девочку из Забайкалья счастливой сказкой, но как благоустроить жизнь в глубинке, как избавить людей от нищеты? Если говорить по существу, то общество несет огромные финансовые потери от несогласованности, разгильдяйства, от покровительства коррумпированным чиновникам.

Из истории известно, что в ситуациях кризиса люди переходят к интенсивному общению. Они собираются вместе вне рамок социальных

институтов и, главное, пытаются повлиять на общественное сознание друг друга. Результатом эффективного общения, как правило, является сдвиг, трансформация общественного сознания (новое видение и понимание, другое состояние духа — воодушевление, уверенность, уныние и т. п.), что в дальнейшем является необходимым условием перестройки социально значимого поведения.

В.Луков. Еще раз надо задуматься над тем, что диалог государства и общества — особая форма их взаимодействия. И не единственная. И не обязательно эффективная. Диалог уместен тогда, когда силы его участников примерно равны. Или дистанция между ними такова, что еще трудно сказать, кто из них и насколько сильнее. Пока равновесие неустойчиво, диалог ведется с явной или тайной мыслью, что в итоге победить должны мы. Даже и в платоновских диалогах равенство спорщиков показное: все равно правым окажется Сократ.

П.Гуревич. Но ведь силы общества и государства никогда не бывают равными.

В.Луков. В такой постановке видится и ответ на вопрос, возможно ли снова «заладить» диалог государства и общества в нашей стране? Если государству — в лице его главных структур и персонажей — оказывается доверие большинством народа, то государство может позволить себе диалог с обществом, более того — диалог, построенный на нравственных принципах, диалог, воспитывающий народ. То же можно сказать об обществе. Если структуры гражданского общества, не являющиеся прямым продолжением государственных органов (как «Единая Россия», например), набирают такую силу, что государство не может с ними не считаться, то тогда источником диалога — облагороженного нравственностью — становятся такие структуры. У нас пока таких структур в реальной политике нет.

П.Гуревич. Может быть, церковь?

В.Луков. Да, стоит принять в расчет набирающую политическую и нравственную силу Русскую православную церковь. Но РПЦ берет на себя политическую функцию отчасти вынужденно, компенсируя слабость гражданской оппозиции государству. В этих условиях широкий, общероссийский диалог в политике, экономике, вероятно, и в культуре может быть инициирован только государством, а с учетом его иерархической структуры — только высшими должностными лицами России. Разумеется, их понимание национальных интересов и их представления о нравственности окрасят этот диалог в какие-то свои, отличительные тона.

П.Гуревич. Значит, ситуация безнадежная?

В.Розин. Я так не считаю. В целом ряде российских регионов местные власти переходят к следующей политике. С одной стороны, понимая реалии, они не лезут поперек вертикали в пекло, а пытаются выполнить предписания и приказы Федерального центра или делают вид, что выполняют их. С другой, региональные власти изо всех сил стараются развивать свой регион, стремясь сделать его относительно независимым от Центра. В этом втором направлении работы местные региональные власти, безусловно, в той или иной мере,

исходят из интересов целого (родного региона) и его населения. Конечно, региональные власти не забывают и себя. А почему, спрашивается, они должны о себе забыть — при правильном хозяйствовании забота о себе часто неотделима от забот региональных. Хорошо бы при таком подходе и подключить региональное сообщество.

В.Луков. Но региональное строительство или решение крупных экономических задач невозможно без активности и усилий всех основных социальных субъектов и даже, отчасти, всего населения региона или города. В свою очередь, подобная активность и усилия предполагают и новое видение действительности, новое отношение к различным социальным реалиям.

В.Розин. Современные исследования показывают, что и то и другое возникает тогда, когда общество «просыпается» и становится активным, когда в результате общения и обсуждения изменяются общественное сознание и общественное мнение.

Само по себе местное общество, без социальных катастроф (война, революция, беспредел, невозможность существования и прочее), проснуться не может. Общество нужно, условно говоря, разбудить; необходимо инициировать ряд социальных процессов, которые бы возбудили активность населения и основных социальных субъектов. К числу последних может относиться, например, публичное обсуждение и экспертиза новых экономических проектов, дискуссии в СМИ, создание групп и обществ по поддержке тех или иных инноваций, подготовка в сфере образования новых специалистов, которые могли бы обеспечить нововведения, организация в культуре акций, направленных на создание соответствующей творческой атмосферы, формулирование и выдвижение новых общественных целей, призванных консолидировать и по-новому ориентировать население.

Существенную роль в этих процессах должны сыграть, с одной стороны, местные власти, с другой — деятели культуры и образования, а в регионе — университеты. Дело в том, что современный университет, особенно в регионах, является не только центром образования, но и культуры. Где, как не в университете, можно создать центры инноваций и проектирования, кто больше студентов потенциально готов к изменениям и экспериментам, к служению на благо малой родины?

В.Луков. Мы снова ставим задачи и ждем указаний высших властей. А чаще всего уповаем на власть. Но с чего начать? Вот вы, допустим, говорите об инновациях. Но чтобы стать инновационной экономикой, надо стать сначала индустриальной, как Германия, Япония и США. Но ведь мы оказались в доиндустриальной эпохе. У нас падает промышленное производство, мы так и не внедрили новые технологии, не смогли модернизировать парк оборудования. Можно ли надеяться, что инновации вытащат нас из кризиса?

В.Розин. И да, и нет. С одной стороны, налицо тенденция к установлению тоталитарного режима, процесс, который сегодня прикрывается имитацией демократических реформ. Но, с другой, одновременно с этим идет региональное строительство, рождаются живые формы социальной жизни, люди учатся правовым отношениям, сопротивлению властям, происходит

смена поколений. Надо попробовать. Важную роль в названном диалоге начинает играть и процесс самоорганизации профессиональных сообществ. Не так давно (5 апреля) на «Эхо Москвы» обозреватель Юлия Латынина рассказала такую, как она выразилась, «духоподъемную» историю. В Санкт-Петербурге есть сообщество («Айти бизнес»), торгующее, как я понял, электронным оборудованием и программным обеспечением. Фирмы этого сообщества регулярно грабили сотрудники МВД. Схема отъема чужого имущества была следующая. Покупали кого-то в прокуратуре, прокурор выписывал поручение, с которым на фирму являлись люди МВД. На основании этого документа у фирмы со складов забиралась аппаратура, как якобы контрабандная (или указывались другие причины). Затем аппаратура передавалась в РФФИ (Российский фонд федерального имущества), сотрудник которого, в свою очередь, отдавал приказ о реализации этого оборудования по суперзаниженным ценам через определенную фирму. Разницу клали себе в карман.

Что сделало сообщество, понимавшее, что действовать по закону бессмысленно? Во-первых, оно сорганизовалось. Во-вторых, крупнейшие фирмы, входившие в этот альянс, приняли хартию, запрещающую продавать краденую продукцию. В-третьих, разыскали фирму, она называлась «Ультра Электроникс» (кстати, подписавшую Хартию), через которую продавалась эта продукция. В-четвертых, все перестали работать с этой фирмой; кроме того, с ней перестали работать банки и западные партнеры. В результате «Ультра электроникс» мгновенно обанкротилась.

Какой смысл в шутке «гласности у нас много, слышимости мало»?

В.Луков. То, что эта шутка всем понятна без комментариев, означает, что ее смысл повсеместно прочитывается как относящийся к нынешней ситуации и точно ее отражающий. Тут не до шуток. С гласностью тоже не все нормально. Формально вы можете обратиться в любую инстанцию, вплоть до президента. Люди еще надеются, что можно добиться справедливости и правды. Моя знакомая решила снять квартиру, поехала в соответствующее агентство, выбрала нужный район, заключила договор, заплатила деньги. Когда на следующий день она с вещами приехала на квартиру, оказалось, что в доме живут другие люди и сдавать квартиру не собираются. Бросилась в агентство, а его и след простыл. Обратилась в милицию. Там разъяснили, что такого рода обман — не редкость. В сущности, это своеобразный бизнес. Попросили проявить бдительность: если увидит обманщиков, немедленно сообщить в милицию. Как изысканно милиция переложила свои полномочия на жертву аферы!

В.Розин. Риск гражданина пасть от рук преступников значителен. В среднем по России ежегодно происходит 30 тысяч убийств. Но статистика лукава: скончалась жертва на месте преступления — убийство. Умирает в больнице через 6–8 часов — уже смерть, наступившая от тяжелых телесных повреждений. Поэтому убивают в России на самом деле куда больше.

Примерно 40 тысяч пропадают из вести. Потом обнаруживают трупы, часто со следами насильственной смерти. На втором месте по степени риска — дорожно-транспортные происшествия. Примерно 30 тысяч жертв ежегодно. Ни одна страна такой цифры не имеет. На третьем месте — пожары. При этом регистрируется 3 миллиона преступлений. На самом деле их в три раза больше. Согласно социологическим исследованиям, обращаются в инстанции только 40 процентов пострадавших. Остальные никуда не идут. Просто не верят в правосудие, в милицию. Сталкиваются с тем, что преступники иногда действуют заодно с милицией.

Каковы последствия такого разлада в современной России и надо ли «молчать в тряпочку»?

В.Луков. Неорганизованность диалога государства и общества и разлад — не одно и то же. Разлад в стране («...и все в разъединении» — из «Гамлета») — особое состояние утери народом объединяющих целей и ценностей, утери жизнеспособности, канун гибели. Думаю, Россия, пережившая 1990-е годы, сейчас поддерживается на плаву активностью множества действий, нередко противоречивых и трудно предсказуемых, но именно активных и осуществляемых сразу многими — тут попеременно нефтяники, деятели искусства, мелкие торговцы, эксперты, олигархи, госслужащие, ученые, студенты, дипломаты... Что-то похожее на лягушку, попавшую в крынку со сметаной и спасающуюся тем, что активно барахталась, сбила масло и смогла опереться на более или менее твердую поверхность, чтобы выпрыгнуть «в свободу». Пока не иссякла активность действий и сохраняются ожидания от власти, о разладе говорить преждевременно.

В.Розин. Это так, но проблема в том, что у власти нет стратегии. Вся ее антикризисная логика состоит в ожидании нового скачка цен на нефть. Все решения в экономической и социальной сфере связаны с тем, чтобы дожить до того замечательного дня.

В.Луков. Но все-таки за последнее время произошли в целом и позитивные события. Предотвращен банковский кризис. Приостановлен промышленный спад.

В.Розин. Но речь идет о восстановлении диалога общества и государства, а не о частичных успехах правительства.

В.Луков. Здесь затронут интересный феномен, который уже получил свое название в последних строках «Бориса Годунова». Напомню: для того чтобы возвести на престол Лжедмитрия, устранено последнее препятствие — убит сын царя Бориса. И боярин Мосальский (в современном понимании госслужащий высокого ранга) восклицает: «Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы». Реплика Пушкина: «Народ в ужасе молчит». Мосальский продолжает: «Что ж вы молчите? Кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!». Вот тут и появляется ставший символом отношений народа и власти пушкинский приговор: «Народ безмолвствует». У Пушкина совершенно ясно прочитывается в этом безмолвии

осуждение — чего же? Нечистой совести власть имущих — того, что стало для царя Бориса испытанием, превосходящим иноземное нашествие, вселенский голод и разорение страны. «Народ в ужасе молчит» и «народ безмолвствует», вообще-то, разные состояния народного духа. В первом сквозит подавленность и растерянность. Второе наполнено силой неприятия и силой преодоления.

П.Гуревич. Диалог общества и государства, как показало наше обсуждение, проблема не только актуальная. Она в известной степени даже важнее, чем многие экономические и финансовые вопросы. Известно, что сила страны определяется не только техническим гением, изворотливостью финансовых многоходовок, ракетной мощью. Она, как показывает наш исторический опыт, обусловлена единством власти и народа, тем единством, которое прекрасно и уже невозвратно выражено в строчках поэта Иосифа Уткина:

*Тяжелая — забудется,
Хорошее — останется,
Что с родиною сбудется,
То и с народом станется.*

Сегодня, к сожалению, у Родины, у элиты и у народа — разные жребии. Осенью, когда наш номер журнала выйдет в свет, страну может охватить вторая волна кризиса. Какие коррективы она внесет в нашу жизнь? Несомненно влияние диалога государства и общества на внутреннюю жизнь страны, на внешнеполитическую обстановку. Это вопрос о судьбе страны, ибо разлаженная, расхлябанная государственная система, оторвавшаяся от общества, от народа, — предвестие катастрофы. Мы еще не до конца осознали те последствия, которыми чревата утрата диалога власти и народа. Власть сегодня убеждена в том, что народ ее действительно любит. И в том, что для сохранения этой популярности надо только чаще показываться на экране, говорить в камеру правильные слова, мелькать в городах и весях. Между тем в условиях кризиса не обойтись без откровенного разговора с народом о допущенных ошибках, о провале модернизации страны, о причинах, которые создали крайне нежелательный имидж страны в мировом общественном мнении, о лицемерии, которое связано с коррупционной кампанией, о неэффективности вертикали власти. В противном случае разрыв между обществом и государством окажется зияющим. Забыто мудрое предостережение: нельзя долго обманывать народ. Если люди не способны отличить иллюзию от реальности, значит, они близки к катастрофе.

Наше общество становится все менее и менее критичным в отношении своего социального организма. Оно пребывает во властном делириуме, полагая, что всякий объективный анализ социальных процессов только мешает власти реализовать собственные программы. Среди других иллюзий укоренилось убеждение, будто мы создали самое усовершенствованное общество в истории человечества. Поэтому критика воспринимается как деструктивная сила. Между тем нам нужны ответы — простые, абсолютно честные ответы на чрезвычайно сложные вопросы. Надо уяснить: «эффективная» демократия

может означать только кастрированную демократию. Но подлинное народовластие не имеет ничего общего с формальной риторикой, публичными вторжениями власти в общественную жизнь без ясного понимания реального положения вещей, с культом силы и безнравственности, с поляризацией интересов разных социальных групп страны. Важно вернуть социальным институтам их подлинное предназначение — прекрасная политическая программа для любой партии.

Если цивилизация не способна отличать иллюзию от действительности, она близка к закату. Уже сейчас в обществе утрачены необходимые скрепы. Государство и народ живут, словно в разных измерениях. Отчаявшись войти в контакт, люди начнут выживать без государства. Но в этом случае и само государство может превратиться в некую бутафорию, стать столь же условным, как британская монархия. Но есть более печальный сценарий. Опыт деполитизации приведет к тому, что никакой подъем национального самосознания окажется уже невозможным. Нация и власть станут загнивать, деградировать одновременно.